

ПРАВА

ТРАДИЦИИ
& АВАНГАРД

Ежеквартальный журнал
художественной
литературы

Издаётся с 2018 года

№ 1 (24) 2025 г.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Т65

ПРАВА

ТРАДИЦИИ
& АВАНГАРД

Журнал «Традиции & Авангард» № 1 (24) 2025. — Москва:
Интернациональный Союз писателей, 2025. 224 с.

ISBN 978-5-6054235-5-3

Литература может обращаться к своему читателю с разными интонациями. Доверительный полушёпот или яркая и громкая риторика — и то, и другое услышит тот, кому адресовано художественное слово.

В журнале «Традиции & Авангард» у каждого автора свой голос и тон, своя тема разговора, самого важного — для него и того, с кем он вступает в необычный диалог. Писатель обращается к читателю с помощью строк поэзии и прозы, читатель отвечает на это своей мыслью и чувством.

В то же время литература — это не только обращение, но в первую очередь тоже ответ на реплику, сказанную жизнью. Или на другое слово, недавнее или донёсшееся сквозь времена.

«Традиции & Авангард» приглашает к беседе. И пусть она запомнится и подарит много ярких эмоций.

ДИЗАЙН-БЮРО «РЕВОЛЬВЕРАРТ»
.....
Делаем преимущества
очевидными

© Интернациональный Союз писателей, 2025
© Галина Березина, 2025
© Даниэль Орлов, 2025
© Арсений Ли, дизайн, 2025
© Дизайн-бюро «Револьверарт», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	4
--------------------	---

ПРОЗА, ПОЭЗИЯ

Андрей Полонский. Из разговора. <i>Стихи</i>	6
Светлана Блохина. Спинай вперёд. <i>Рассказ</i>	14
Владимир Злобин. Нижняя подсветка вкл. <i>Рассказ</i>	19
Анна Ревякина. Подборка стихов. <i>Стихи</i>	25
Владимир Казаков. Московская Москва. <i>Главы из книги</i>	40
Виктория Сорокина. Фантомные боли. <i>Повесть</i>	80
Дмитрий Орехов. Последние. <i>Пьеса</i>	139
Наталья Макеева. Подборка стихов. <i>Стихи</i>	165

ПУБЛИЦИСТИКА, КРИТИКА, ОЧЕРК

Ольга Ерёмина. Записки экскурсовода. <i>Очерк</i>	173
Даниэль В. Орлов. Цензура — мать порядка? <i>Статья</i>	186
Иван Образцов. Технология продвижения. <i>Статья</i>	201
Роман Сенчин. Поминки. <i>Отрывок из книги</i>	206

ОТ РЕДАКТОРА

Смогут ли объединиться писатели? Вопрос в стиле газетных заголовков тридцатых годов прошлого века. Ответ очевиден: в профсоюз — да, в творческий союз — нет. Второе, скорее всего, не нужно вовсе, ибо пойдёт только во вред литературе. Не стоит смешивать не-смешиваемое. Под творческим союзом я имею в виду, что прежде всего есть некое общее идейное создающее начало, хотя бы это даже любовь к Родине, плюс есть критерии профессионализма, плюс «творческий путь», плюс независимая оценка коллег.

Приятно, конечно, такое представить, но это как видео от искусственного интеллекта — красиво, эпично, но нежизнеспособно. Конфликт заложен изначально. Не успев объединиться, писатели примутся учить друг друга, как правильно Родину любить, а как вовсе неправильно и потому непрофессионально. И без того каста профессиональных любителей Родины растёт с каждым месяцем. Зачастую декларация патриотизма становится пропуском в совокупность множества возможностей. И чтобы вероятность получения каких-то полумифических благ стала выше, нужно оградить себя от неконвенциональных патриотов, которые (вот же гады!) не просто болтают, но приносят пользу и в массе своей более талантливы, но менее проницательны.

Потому лучше без идеологий, только на основании профессиональной состоятельности и самодостаточности. Но тут тоже не всё гладко, поскольку талант неисчисляем. Однако остаётся мастерство. Методики оценки качества литературного произведения есть. Мне, например, по душе система, предложенная профессором Ниной Александровной Ягодинцевой,

когда оценивается не только уровень формального умения-мастерства, не только как написано, но и какой уровень проблематики (исторической, духовной, эмоциональной) затрагивается автором. Система не безупречна, но работает.

А что читатель? Его это как затрагивает? Читатель пока даже не определился, нужно ли ему в новом времени читать книги или можно обойтись короткими видео в социальных сетях. Эта неопределённость рождает неврозы, питает комплексы, но не стимулирует литераторов к написанию чего-то выдающегося. Нет у литератора задачи увести аудиторию из мессенджеров и привести в библиотеку. Это не творческая задача, скорее менеджерская. Для этого в том числе профсоюз писательский и требуется. Он (профессиональный союз) формируется из выборного руководства комитеты, которые занимаются узкой проблематикой и далее отправляет консолидированные предложения в государственные исполнительные и законодательные органы, а далее со стороны писательского сообщества контролирует результат. Вполне жизнеспособная схема.

А как же идеология? Как же Родину любить напоказ и взахлёб? Как же воспитание молодого поколения? Да сколько угодно! Не возбраняется. Тут главное — воспитывать на хорошем, на настоящем, а не на имитациях. Имитация любви — пошлость номер один в этом мире. С этого начинается хаос.

*Практически всегда ваш,
Даниэль Орлов — главный редактор.*

ИЗ РАЗГОВОРА

СТИХИ

Андрей ПОЛОНСКИЙ

*Поэт, рассказчик, эссеист.
Родился в 1958 году в Москве.
Опубликовал более тысячи текстов в различных периодических изданиях в России и за рубежом.
Девять книг стихов, четыре — не стихов. Несколько работ по русской истории. Победитель слэма и финалист Григорьевской поэтической премии (2019). Жил в Москве и в Ялте. С 2014 года живёт в Санкт-Петербурге. Состоит в 9-й секции Союза писателей Санкт-Петербурга и Русском ПЕН-центре.*

ИЗ РАЗГОВОРА

(стихи октября 2024 — февраля 2025 года)

На юге человек выходит из тьмы покурить,
Прикрывает огонь, чтоб противник огня не приметил.
Слушай, надо поговорить.
Но не слышно, ветер.

Это может быть младший брат или старший сын,
Черты лица в темноте неуловимо знакомы.
Если бы не ветер, я б его расспросил,
Долго прощения просил
За то, что он там, а я дома.

Он бы ответил: даже не знаю, кто виноват,
У вас, значит, случилась любовь, а укрепления — наши.
Только нет никакого пути назад,
Надо расхлёбывать эту кашу.

Ладно, что говорить. Я уже докурил.
Кружку чаю — и спать. Ну и ты давай понемногу
Засыпай, не глядявайся в окно.
Меня там нет. Объясняться нет сил.
Чересчур далека дорога.

Хорошо, что Бог
Примет нас всё равно.

Как называется то или попросту нечто,
Что возникает за Марсовым полем, за речью
О правилах чести, о неизбежности схватки?
Что ещё, кроме отчаяния и лихорадки,
Мы предложить можем времени? Частности быта,
Сны и свидетельства помнящих и недобитых.

Как так случилось, что минули десятилетия,
Всё было мелким, понятным, потребным до стога,
Но обнаружилось, что остаются на свете
Плети бессмертия и войсковые знамёна.

Аз, ни на что не надеясь, сквозь сумерки двигаюсь к дому,
Дойду? Не уверен. Зато есть дорожная карта.
Октябрь на исходе. Зима впереди по-любому.
Но встречу уместно назначить на первое марта.

В оный час
Из сумерек выйдет Селена,
Надо будет вспомнить Катха-упанишаду,
Сказать: я есть ты.
Но разве ты — это я?

Я слишком привязан
К долгому предзимью,
К тёмным — на золотом — ликам,
Заунывным, медленным песням
И другим песням, ухарским и бунтарским.

Нет, я — не ты,
Хотя так было бы гораздо проще.

Адские зенки раскрой и смотри,
Что происходит с тобою внутри,
Райские очи вовне распахни,
Где наши лучшие дни?

Жест, подоконник, обмолвка, постель,
Ласточка духа и дней канитель,
Невыносимо другая страна,
Мирные времена.

В какой-то степени жизнь прошла.
Разговоры, сплетни ли? Пустые дела,
Вперед — о-ля-ля — только в землю сырую лечь,
Не в постель со спины красотки — о том и речь.
Воин я так себе. Эпоха тоже так себе для меня.
В сущности, я хотел совсем другого огня,
Немного другого отчаяния, совершенно иную осень,
Но кто тебя спросит.
Поэтому не прошу, не надеюсь, подарков не жду,
Возможно, всё это разрешится в следующем году,
Но точно не к моему удовольствию, при любом раскладе,
Простите меня, бога ради.
Я любил Афродиту, весёлую и площадную,
Она мне сказала: иди ты! — и я пошёл,
Оказалось, всех нас ждала война, а не новый дискурс,
Не текущий курс, не последний обол.
Индусы называют подобные вещи — Рита,
Вдох-выдох-вдох, и, если выжил — живи,
Только часть Махабхараты — Бхагавад-гита,
Всякое сказание — о любви.

У вдумчивого советского человека был свой контрреволюционер,
С шести до восьми его надо было расстрелять за сараями,
К утру контрреволюционер возвращался, всё начиналось заново.

Потом нравы смягчились, контрреволюционера достаточно было
просто побить,
Сломать пару рёбер, высадить зубы, рассечь бровь.
Возвращались теперь друг за другом. Контрреволюционер скулил:
«За что меня так?»

Постепенно контрреволюционер осмелел,
научился давать сдачи,
Теперь тот, кто победил, шёл домой первым,
Ужинал, спал с женой.

В конце эпохи достаточно было просто выйти
поговорить,
Иногда переходили на ор, иногда — на шёпот,
Возвращались в обнимку, садились за стол вме-
сте. Любовь стала тройной.

Потом Советский Союз рухнул, контрреволю-
ционер умер.
В одиночестве человек загрустил, принялся
пить горькую или зарабатывать деньги.
Контрреволюционер ему снился.

Американцы ничего не знали об этой исто-
рии. Потому и просчитались.
Думали — всё. Победили.
Вышло несколько по-другому.

Мир долгов, но непостоянен,
Коварен, хоть и недалёк,
Переморочит, и обманет,
И успокоит: с нами Бог!

Гнут повседневные заботы,
За ними — смерть и тишина,
Но с неизменным «За кого ты?»
Приходит старая война.

Открытые пылают даты
Над одиночеством и тьмой,
И в каждой армии солдаты
Хотят домой.

О чём я думаю порою?
О том, что страх, о том, что срок,
Что книг любимые герои
Ушли толпою на Восток,
И все постельные печали,
И все пастельные тона
Так обаятельно слиняли,

Как только началась война.
Любовь пришлось примерить снова,
По шву бывшее разошлось —
На стих Иоанна Богослова
Ложится русское «авось».

Рождественское

Маленький, трогательный, удивительно уязвимый,
Враг мог его растоптать, расчленив родителей, хлев поджечь.
Но именно с этого дня начинается гибель Первого Рима,
Из огня и дыма
Возникают иная власть и другая речь.

Обычно говорят о волхвах, мастерах и магах Востока,
Об их великих дарах,
Дороже которых нет,
Но, вспоминая, что жизнь
Была и будет жестока,
Мы можем отныне знать,
Что есть надежда и свет.

«Вот и вечер», — промолвит Иосиф.
«Его вечер, — улыбнётся Мария. —
Снег за окном, взгляни.
Русский январский снег».
«Странно, — ответит Иосиф. — Неужели это Россия?»
А как ещё сможет укрыться
Наш маленький человек?

Ты ищешь правды, а находишь предательскую тошноту,
смешное создание из воды и мяса,
гнили и слизи, кишок и требухи,
нервных импульсов и теперь уже — компьютерных сетей.
В городе идёт дождь, вспоминается роман Маркеса,
парижская зима — как же опять далёк этот Париж,
да и не так привлекателен, как раньше, честное слово.